

Посвящается Лоренсу

Даже после всех проведенных лет вместе каждый день своей жизни я выбираю тебя. Это ты убедил меня, что пора бросить основную работу и просто начать писать. Я так и сделала. Всякий раз, когда моя вера в себя ослабевала, ты был рядом, чтобы меня поддержать. А когда приходило время торжествовать, ты увозил меня и заставлял почувствовать себя на миллион долларов.

Люблю тебя во веки веков.

АПРЕЛЬ 2018 г.

СТРАУД, ГЛОСТЕРШИР

1

ДУЕТ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Благословение это или проклятие — родиться с внутренним голосом... что говорит без устали, наполняя тебя ощущением смущенного ожидания?

Делу не помогает бушующая весь день головная боль. Час назад к ней добавился тик в правом глазу — теперь уже перешедший в постоянный. То, что грядет, назревает неумолимо, мучительно, от этого у меня вдобавок крутит живот.

Когда наступает наконец прозрение, все мои инстинкты кричат, что теперь все изменится. Любая мелочь, принимаемая мной за само собой разумеющуюся, окажется под ударом.

Перемена может быть пьянящей, но я все равно чувствую наваливающиеся на меня тяжесть и страх перед тем, что грядет.

* * *

Телефон на столе вибрирует и подпрыгивает. Я тоже подпрыгиваю. Последние двадцать минут я заставляю себя читать заключительную страницу отчета, но слова расплываются. Отвечать на звонок не хочется, потому что вся моя воля ушла на неподвижное сидение и чтение, так что даже простой разговор был бы сейчас превыше моих сил. Надеюсь, это подождет. 9

Босс звонить так поздно не стал бы. Озираясь по сторонам, я убеждаюсь, что все остальные уже разошлись по домам.

Я отдергиваю руку, уже потянувшуюся к телефону, и просто проверяю, от кого звонок. Это моя сестра Ханна. Меня тут же охватывает паника, во рту пересыхает. Я хватаю телефон и прижимаю его к уху. В последнее время она вся в тревоге, переживает один эмоциональный кризис за другим. Наверное, это гормональное.

Я отвечаю сбивчиво и хрипло, не узнавая собственный голос:

— В чем дело, Ханна? — Я откашливаюсь. — Все хорошо?

Сердце у меня бьется нарочито медленно, как механизм, требующий отладки. Знаю, надо было прекратить работу уже час назад, уйти домой, там нырнуть под одеяло и забыться.

— Не могу поверить, что ты еще на работе, Ферн. Знаешь, который час?

Боль немного отступает от теплого звучания ее голоса, свидетельствующего, что она в порядке.

— Я скоро пойду.

Я закрываю глаза, борясь с приступом тошноты, сопровождающей новую волну недомогания; теперь у меня ноют даже зубы. Я расправляю плечи, чтобы разгрузить шею, но толку от этого ноль.

— Я тут с Эйденом. Срочно езжай домой! Пока мы тебя ждали, я проверила лотерейный билет на двери холодильника.

Я слышу другие голоса, мешающие осознать ее слова.

— Билет? Что еще за билет?

Ах да, в пятницу мне навязали в супермаркете билет.

Сегодня понедельник... нет, вторник... Дни проносятся у меня в голове без малейшей связи.

— Ну?! — Она смеется, я слышу, как она воодушевлена, и морщусь.

— В каком смысле? — В голове так мучительно пульсирует, что я чувствую: или таблетка от мигрени, или обморок.

— Ферн, ты что там, уснула? Ты угадала только один номер, но все равно выиграла!

В животе резь, от боли я наклоняюсь вперед и ударяюсь лбом об стол.

— Шикарно. Скажи Эйдену, что я скоро буду дома, честно.

Она положила трубку.

Почему Ханна дома, а не в университете? Потом я вспоминаю про пасхальные каникулы. Тем лучше. Теперь главное — добраться до дома, не развалившись по пути.

* * *

— Ужасный вид, Ферн. Опять твоя мигрень?

Я киваю, опускаю сумку на пол и с облегчением падаю в одно из кресел. Обстановка вокруг такая, словно здесь только что кончилась вечеринка: пустые рюмки, две открытые бутылки «Просекко», пакетики с чипсами.

Эйден смотрит на меня и вежливо предлагает чаю.

— Да, пожалуйста, — соглашаюсь я.

Я справилась с болью, но во всем теле тяжесть, нижняя челюсть, шея и плечи ноют, как после побоев или после столкновения с фонарным столбом. Прошла резь в животе — и на том спасибо.

— Где Ханна?

— Убежала на встречу с соседкой, ты забыла? Ваши родители привезли пальто, которое ты у них оставила после воскресного обеда, и предложили ее подвезти.

Ах да...

— А следы попойки? — Я указываю подбородком на беспорядок, который начинает прибираться Эйден.

— Заглянула наша соседка, Джорджия, она увидела рядом с домом машину ваших родителей. Ханна как раз проверила по телефону результаты лотереи, и ей не терпелось поделиться новостью. Она вызвала Стива, Джорджия решила остаться выпить с нами. Получился маленький праздник. Я надеялся, что ты вот-вот к нам присоединишься. — Он ставит на стол передо мной чашку с чаем. — Прости за сегодняшнее утро. — Он произнес это так небрежно, будто ничего не произошло. Но я знаю, он чувствует себя виноватым, недаром не смотрит мне в глаза.

Думает, я специально задержалась? За семь лет брака мы еще ни разу не ссорились за завтраком. Мы вообще редко ссоримся. Но с недавних пор... Во мне крепнет чувство, что я его совсем не знаю.

— Должно быть, ты очень плохо себя чувствуешь, если даже новость о пополнении твоего банковского счета на миллион фунтов не заставила тебя улыбнуться. Тебе весь день худо? — Он участливо морщит лоб, заставляя мое сердце биться чаще. Я люблю каждую клеточку этой выразительной физиономии, включая серебристо-белый шрам на лбу — память о буйном детстве, когда он всех сводил с ума своими проделками (так мне рассказывали). Люблю эти светло-карие глаза и коротко подстриженные каштановые волосы, которые он не отваживается отращивать из-за их своеволия. Долю секунды я вижу не двадцатидевятилетнего мужчину, а того Эйдена, каким он был при нашем знакомстве, — семнадцатилетнего юношу, уже мнившего себя мужчиной. В те

времена у него на груди было не больше двух волосков, не то что теперь, когда ему, на мой вкус,

не помешала бы эпилепсия. Не знаю, угадывает ли он мои мысли, — судя по улыбке, не исключено.

— То так, то сляк, — отвечаю я.

— Позвонила бы. Не люблю, когда ты за рулем в таком состоянии.

— В каком таком? — Я хмуро кошусь на него. Вдумываться в его слова — и то тяжкий труд.

Выражение озабоченности на его лице будит у меня воспоминание о сегодняшнем утре. Он был явно не в духе, метался из угла в угол, у меня было впечатление, что ему не терпится меня выпроводить. По неведомой причине его раздражало мое присутствие. Я спросила его, в чем дело, — только и всего.

— Ты еще спрашиваешь! Ты не всегда способна здраво рассуждать. Помнишь, как ты ударила машину об угол, заезжая в гараж?

Да, было дело, пять лет назад. Что ж, в тот день мне и вправду не стоило садиться за руль. Я забыла таблетки и не хотела никого утруждать.

Тошнотворные головные боли я унаследовала от отца, который все время предостерегал меня от стресса. Что толку от этих предупреждений? Разве хоть кто-нибудь способен его избежать?

Помню, как тогда вылезла из машины и потеряла сознание. Эйден нашел меня в коридоре на полу. На следующее утро он сказал, что я сильно его напугала, и взял с меня слово, что я больше не стану так рисковать.

Что ж, Эйдену, по крайней мере, не все равно, и это, что бы между нами ни происходило, немного утешает.

Сейчас он садится напротив меня со сконфуженным видом.

— Ханна не ошиблась, я перепроверил. Мы выиграли, Ферн.

Я сплетаю пальцы на горячей чашке и наслаждаюсь теплом, возвращающим меня к жизни. Таблетки от мигрени притупляют все чувства, отключают от действительности, создают целительную расплывчатость. Чуть не обжегшись, я отдергиваю руки и роняю их на колени. Сейчас это щекочущее ощущение в пальцах — благо, оно резко возвращает меня к жизни.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ДЕНЬГИ, почему-то всплывает у меня в голове. Никакие деньги не отменят перемены в Эйдене и моего страха, что он меня разлюбил.

— Теперь мы сможем выплатить закладную за дом. Погасим долги по кредиткам...

Он прикусывает язык. Судя по его тону и по выражению лица, он понимает, что я еще не до конца осознала происшедшее. Мой мозг сейчас не может правильно расшифровывать слова. Я тупо смотрю на него.

— Так... Чай делу не поможет, тебе надо поспать.

Он встает, сильные руки поднимают меня с кресла и несут к двери.

— Обещай, что больше не будешь так рисковать, глупышка. Может, ты и суперженщина, Ферн, но, подозреваю, даже тебе иногда полезно передохнуть. Всем нам иногда бывает нужна помощь, зачем рядом я, если не для этого?

Мне нужно было это услышать. О, как нужно! Нужны были его сильные руки, чувство облегчения, безопасности. Какое облегчение! Из меня, как из проколотого шарика, выходит воздух, я чувствую внутри пустоту и доверяюсь мужу. Моя опора никуда не делась.

Эйден опускает меня на кровать, помогает раздеться. Стоит мне почувствовать мягкие прохладные простыни, как я отключаюсь. Темнота как кокон, сейчас это именно то, что нужно.

РАЗВЕ НЕ ВСЕ МЕЧТАЮТ О ВЫИГРЫШЕ?

Джорджия смотрит на меня, поднеся к губам чашку с кофе, ее брови озабоченно сведены на переносице.

— Что значит «одни проблемы»? Да, придумать, как поступить с доставшимися тебе денежками, не так-то легко, но я не думаю, что это настоящая проблема. Во всяком случае, мало кто отказался бы от такой проблемы.

Она убирает со лба рыжие пряди и испытующе смотрит на меня синими-пресиними глазами.

Я вздыхаю. Такое ощущение, будто последние две недели у нас с Эйденом нет другой темы, кроме этой. Оказалось, внезапный приток денег — вовсе не чудо, разом устраняющее все проблемы. Наши родные и друзья, как и коллеги на работе, считают, что мы пребываем в эйфории. На самом деле это не так. Знаю, это неблагодарность с нашей стороны.

— Все сложно, Джорджия, — бормочу я.

Она ставит чашку на стол в знак того, что готова слушать и не перебивать.

— Тебе надо выговориться. Если ты не доверяешь мне, значит, твоего доверия не заслуживает вообще никто. Мы давно дружим, ты знаешь, что я всегда тебя поддержу.

Мне трудно подобрать слова: несколько минут уходит на то, чтобы привести в порядок разбредшие мысли.